

ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ДЕЙСТВИЯ ЕГО УЧАСТНИКОВ

© 2010 И.В.Палашевская

Волгоградский государственный университет

Статья поступила в редакцию 02.04.2010

В статье рассматриваются основные функции юридического дискурса – регулятивная, перформативная, информативная, кумулятивная, интерпретационная, презентационная, стратегическая и кодовая, которые проявляются в действиях его участников.

Ключевые слова: юридический дискурс; коммуникативное действие, функции дискурса, правовая ситуация, культурные смыслы.

Анализ дискурса – это междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке различных наук. С позиции социолингвистики дискурс понимается как взаимодействие его участников, рассматриваемое с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе и применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации. Конститутивным признаком институционального дискурса как особого типа общения является выполнение социальной потребности общества организовывать свои социальные связи, упорядочивать их, регулировать и управлять ими. Юридический дискурс как разновидность институционального дискурса представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правовых ситуациях институционального общения. Суть права как социального образования заключается в его созидательном регулятивном начале, обеспечивающим упорядочение общественных отношений через сконструированную устойчивую структуру правовых институтов¹. Особенности права как регулятивного явления определяют функции юридического дискурса и особенности действий его участников.

Под институциональными действиями понимаются внешне выраженные, целенаправленные, влекущие за собой определенные правовые последствия акты участников юридического дискурса. Многие из этих действий – привычная рутина. Задачи, решаемые субъектами этих действий, могут быть самыми разнообразными. Между действиями участников юридического дискурса, исходящими из различных правовых инстанций, существует определенная координация, которая позволяет рассматривать их как часть более широкой институциональной системы. Выявлению особенностей этой координационной основы посвящены многочисленные исследования в русле теории социального действия, этнометодологии, ког-

нитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, семиотики, дискурсологии и др. наук.

Действия формируются с помощью знаков и значений, они обусловлены предписаниями процедурного характера и законами дискурсивных жанров. С данных позиций в качестве единицы коммуникативного поведения выступает транслируемый смысл, который может передаваться вербально и невербально, который соотносится с индивидуальным смыслом как фактом сознания, культурой как системой коллективных смыслов, в концентрированном виде выражающих опыт сообщества, и смыслами, зафиксированными в виде значений языковых единиц².

Таким образом, право выступает как нечто артикулированное языком говорящих на нем. Речедетельность – суть юридической практики и способ существования права³. Очевидно, что взаимодействие возможно только в условиях одинаковых коммуникационных кодов. Профессиональный язык, являясь такого рода кодом, выступает в качестве объединяющей и интегрирующей силы. На практике это означает, что все профессиональные участники юридического дискурса со своих стратегических позиций говорят на профессиональном юридическом языке. Эффективное сочетание компетенций требует общих определений понятий и понимания ключевых концептов юридического дискурса, а также различных специфических концептуальных образований. Общий язык наводит мосты между разными мирами внутри юридического дискурса и за его пределами. В силу этого вопросы, связанные с процессами унификации понятийных образований, юридической грамматики являются жизненно важными для успешного общения в институциональной среде⁴. С другой стороны,

² Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: 2007. – С. 334.

³ Александров А.С. Что такое «судебная лингвистика» и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса // Школы и направления уголовно-процессуальной науки. Доклады и сообщения на учредительной конференции Международной ассоциации содействия правосудию. СПб., 5 – 6 окт. 2005 г. / Под ред. А.В.Смирнова. – СПб.: 2005. – С. 72 – 81.

⁴ Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2004. – 160 с. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. – М.: 2010;

⁰ Палашевская Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

E-mail: irina_777@inbox.ru

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: 2007. – С. 388 – 412.

не всё знание обязательно должно быть артикулировано или закодировано. Передача отдельных видов знания требует общения лицом к лицу, непосредственного взаимодействия, когда смысл понимается из его контекста. Известно, что со временем сотрудники, работающие вместе в одной команде (например, оперативные сотрудники правоохранительных органов), вырабатывают скрытое, «молчаливое» знание, которое сложно выразить словами. Такое знание позволяет им общаться без слов. Существование неявного знания является преимуществом любого институционального сообщества. Ведь то, что может быть изложено на бумаге поддается имитации, копированию и стремительному распространению. Транслируемые смыслы являются координирующей основой действий внутри институционального мира. Они становятся очевидными в часто воспроизводимых ситуациях формализованного общения и являются частью культурных сценариев, усвоенных представителями данного коммуникативного сообщества. Например, понять какие смыслы участники дискурса вкладывают в такие концепты, как «подозрительная личность», «разумное подозрение» (*reasonable suspicion*) и почему они поступают определенным образом, можно лишь исследовав различные повторяющиеся ситуации институционального общения и «само собой разумеющиеся» правила, на основе которых эти ситуации строятся. Любое институциональное действие, таким образом, ситуативно обусловлено. Довольно сложно определить значение того или иного действия, если не определить его места в контексте той или иной ситуации юридического дискурса. Коммуникативная ситуация есть элемент культуры. Поэтому невозможно не согласиться с тем, что анализ дискурса, выявление и объяснение явных и скрытых смыслов неизбежно выходит на культурно маркированные обстоятельства и формульные модели поведения, сценарии, имеющие социально-групповую либо этнокультурную значимость.

Отдельные действия могут быть взаимосвязаны между собой и объединены единой целью. Такие совокупности, включающие самые разнообразные действия, образуют сложные структуры, складывающиеся в сценарные последовательности. Развертка действия обладает определенной внутренней логикой, обусловленной целями, мотивами, нормами и ценностями, агентами, обстоятельствами и т.п. В зависимости от субъекта виды юридических действий разграничиваются на действия законодательного, судебного, следственного и т.п. характера. В зависимости от направленности выделяются правотворческие, правоприменительные, правосстановительные, интерпретационные и другие акты. Дискурс при этом может пониматься широко – как «действие говорящего со всеми его интенциями, знаниями, установками, личным опытом и всей его погруженностью в совер-

шаемый когнитивно-коммуникативный процесс»⁵. Характеристики действий участников юридического дискурса обусловлены функциями дискурса и назначением права как социального образования. Выделяются как минимум следующие функции юридического дискурса: 1) регулятивная, состоящая в установлении и сохранении норм и ценностей, обуславливающих взаимные действия между институтом и обществом, между агентами и клиентами и между агентами внутри института; 2) перформативная, выраженная в коммуникативных практиках, организующих мир права и сопровождающих его символические структуры; 3) информативная, состоящая в генерировании, трансляции и ретрансляции смыслов, определяющих суть того или иного института, т.е. создании определенных информационных потоков в институциональном коммуникативном пространстве; 4) интерпретационная, состоящая в интерпретации смыслов коммуникативных действий участников дискурса и соответствующих правовых текстов (документов) – «следов» коммуникативных действий в институциональной реальности; 5) кумулятивная функция, состоящая в формировании «институциональной памяти»; 6) презентационная (символическая и ритуальная), состоящая в создании имиджа (привлекательности для общества) института и его агентов, а также авторитета права; 7) стратегическая, выражающаяся в выборе нормативно обусловленных коммуникативных стратегий и тактик взаимодействия при достижении коммуникативных целей; 8) кодовая, состоящая в создании специального языка, эффективного для выполнения целей и задач институциональной деятельности, а также в установлении границы между агентами и клиентами дискурса. Рассмотрим в общих чертах взаимосвязи функций юридического дискурса и их реализацию в действиях его участников.

По своей природе право – это, прежде всего, нормативный регулятор, его назначение проявляется в регулировании социальных процессов. «Регулировать – значит устанавливать границы, пределы поведения людей, вносить в общественные отношения стабильность, систему, порядок и тем самым направлять их в определенное русло. А таким качеством обладают именно нормы права, которые применяют равную меру, одинаковый масштаб к различным людям»⁶. Данная функция дискурса отражена в его ключевых концептах. Например, в этимологической связи концептов *закон* (от *конъ* – граница между началом и концом, *за-кон* – предел) и *договор* с концептами *мир*, *лад*⁷. В нормативном пространстве юридического дискурса представлены нормы различного типа и назначения, включающие конститутивные и регулятивные, формальные и неформальные правила, общие ценностные ориентиры социального поведения и

⁵ Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: 2004. – С. 419.

⁶ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М.: 2003. – С. 363.

⁷ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: 1997. – С. 428.

Хижняк С.П. Юридическая терминология: Формирование и состав. – Саратов: 1997; и др.

конкретные указания на требуемый поступок. Данные типы норм лежат в основе институциональных сценариев взаимодействия, определяя желаемое поведение и выражая достигнутые участниками институционального дискурса соглашения о должном. Сами ожидания участников юридического дискурса по отношению к действиям друг друга в той или иной ситуации обусловлены нормами и выступают как требования, отвечающие определенным ролям и статусам. Благодаря нормативности институциональный дискурс характеризуется высокой степенью прогнозируемости, которая возможна как раз благодаря институционализации экспектаций ролевых ходов и превращения их в нормы. Данный нормотворческий процесс наглядно описан Д. Уолшем: «В какие бы взаимодействия ни вступали «я» и «другой», «я», преследуя свои цели, должен принимать во внимание действия «другого», и наоборот. Когда оба принимают в расчет друг друга, возникают общие экспектации по отношению к действиям каждого из них. Эти экспектации и структурируют взаимодействие. Чем чаще повторяется взаимодействие, тем более единообразными и стандартизированными становятся эти экспектации. Так рождается норма, структурирующая в глазах индивидов определенные ситуации взаимодействия»⁸. Норма, являясь стандартом, определяющим желаемое поведение в определенном контексте, таким образом, структурирует институциональные действия. В качестве языковой формулы, норма представляет собой «вербальное описание конкретного хода действия [в определенной ситуации], который ... рассматривается как желательный, в сочетании с предписанием согласовывать будущие действия с этим образцом»⁹. С данных позиций действия участников юридического дискурса рассматриваются как череда изменений ситуативных элементов в направлении соответствия нормам права. С точки зрения лингвокультурологии юридические системы представляют собой не просто автономный закрытый мир норм, а, прежде всего, выражение ценностных составляющих национальной культуры (определенные представления о праве, справедливости, концепции правового субъекта, судебной практики и т.п.). В связи с этим, назначение права заключается не только в применении логики при правотворческой или правоприменительной деятельности, но и в реализации ценностей культуры, выражаемых в определенных правовых процедурах, традициях, вербальных и невербальных символах юридического дискурса. В правовых сценариях проигрываются ценностно-значимые смыслы. Приведем в качестве примера фрагмент из судебной речи: Прокурор П.О.А.:

...Ваша Честь! Доказанность вины подсудимого не вызывает у меня сомнения, поскольку здесь, в зале суда, имеющиеся в деле доказательства проверены и

нашли полное подтверждение. Но прежде чем высказаться о доказанности, квалификации и правовой оценке содеянного, хочу заметить, что находящийся на скамье подсудимый занял странную позицию. Вместо того, чтобы раскаяться в содеянном, рассказать суду о совершенном преступлении, А. пытается выставить себя чуть ли не жертвой происшедшего в городе Д. Его позиция ни что иное, как способ защиты. И это его право. Но как показывает судебная, да и жизненная практика, окончательное решение по делу во многом зависит от самого подсудимого, его поведения на предварительном следствии и в суде, отношения к совершенному преступлению, раскаяния, других человеческих факторов. Поскольку А. находится здесь на скамье подсудимых за умышленное убийство человека и за это деяние он заслуживает заслуженного наказания в соответствии с законом...

Следует заметить, что в основе судебных сценариев лежат определенные культурой конвенции таких ментальных структур как *истина, вина, признание, совесть* и т.п., обуславливающие существование подтекстных оценочных презумпций, как, например: *Обвиняемый, как правило, виновен; Невинный оговаривать себя не станет; Обвиняемый при признании говорит правду, а при отрицании заведомо лжет; Если обвиняемый не может предоставить оправдывающие его доказательства, значит, их нет; Обвиняемый, как правило, стремится обмануть суд, ввести его в заблуждение; Признание обвиняемого – главное доказательство; Обвиняемый обычно виновен; Следствие не ошибается.* Отсюда такого рода представления о должном поведении обвиняемого («Вместо того, чтобы раскаяться в содеянном...»), типичные для инквизиционной идеологии, для которой характерно скорее расположение к *признанию*, чем недоверие к нему. Примечательно, что для скрипта состязательности во французском судопроизводстве, например, характерен отказ от таких институтов, как «предъявление обвинения», «обвиняемый» и их замена на институт «лицо, привлеченное к рассмотрению». Сама лексема *обвиняемый* содержит указание на возможность вины, а не на возможность ее отсутствия, что, таким образом, ставит стороны, участвующие в деле, в неравное положение. Ценностная составляющая во многом определяет основу, на которой происходит взаимодействие в различных ситуациях институционального общения.

Юридический язык используется, прежде всего, с целью осуществления неких конвенциональных социально-осмысленных действий в системе институциональных отношений, в которые включены говорящие. Перформативность (от англ. *perform*) в традиционных научных взглядах, восходящих к идеям Дж. Остина¹⁰, рассматривается как действие посредством речи: «to say is to do something» – «сказать что-либо – значит совершить какой-либо поступок». Имеются в виду коммуникативные поступки, противопоставляе-

⁸ Уолш Д. Функционализм и теория систем // Новые направления в социологической теории / Пол Филмер и др. – М.: 1978. – С. 115.

⁹ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: 2002. – С. 134 – 135.

¹⁰ Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. – М.: 1986. – С.22 – 129.

мые описаниям тех или иных действий или состояний. Классическими примерами перформативных высказываний служат формулы объявления войны, клятв, завещаний, присяг, слова обещания, вызовы на поединок, извинения и приглашения, предложения заключить пари, формулы заключения сделок и соглашений. К релевантным условиям перформативности относится, в частности, наличие конвенциональной процедуры, своеобразных правил игры, по которым производится высказывание (*обещание, клятва, завещание, дарение* и т.д.), а также соблюдение этих правил говорящими. Для того чтобы перформатив был юридически успешным он должен соответствовать установленной нормами права процедуре, «церемониалу». Издревле в юридическом дискурсе символические действия, сопровождающие словесные формулы, воспринимались как публичные свидетельства сторон и обладали юридической силой. Известный исследователь в области права Ж. Ле Гофф¹¹ на примере ритуала вассалитета показал, что правовые действия содержат в себе три основных элемента: слово, жест как значимое действие и предмет. Участники юридического дискурса произносят слова, совершают определенные действия, вручают или принимают предметы. Само построение коммуникативных действий в различных скриптах юридического дискурса подчинено определенным жанровым структурам, определяющим синтаксические, стилистические характеристики высказываний, а судебный процесс в целом у разных народов издревле обставлен строгими вербальными формальностями. При этом национальные юридические дискурсы с разной долей трепетности относятся к сохранению такого рода формальностей. Так, в Англии большое значение придается прецедентности ценностных феноменов юридического дискурса – аксиом права и принципов, непрерывности его традиций и правил, символов и ритуалов, объявленных когда-то нерушимыми. В результате многочисленные латинские термины (*mens rea, ab initio, certiorari, versus...*) и французские заимствования (*lien, plaintiff, tort, esquire, plead*), англосаксонские архаизмы (*writ, ordeal, witness, deem, moot*), церемониальные обороты и этикетные формулы (например, в судебной коммуникации: *'Most gracious sovereign...'*, *'With all due respect to my Learned Friend...'*; *'If it pleases your Lordship...'*; *'as her Majesty shall appoint/shall think'*; *'May I respectfully draw the court's attention to...'*), юридические клише, символы и реалии, выражающие авторитет права, столетиями существовали в юридическом дискурсе, соединяя прошлое и настоящее, выражая преемственность опыта и традиций и укрепляя доверие к праву, проверенному временем: «Continuity .... is a valuable asset to any legal system. People have more faith in a system which has stood the test of time, a system which

was good enough for their ancestors...»¹². Осуществляя связь с прошлым, с многовековым опытом юридический дискурс выполняет кумулятивную функцию, выражая в языковых формах преемственность опыта в диалектическом развитии права от одного исторического типа к другому. Создание традиций и приверженность им – это способ создания авторитета права, его величия. Это также выражается посредством освящения правовых норм авторитетом древности – чем древнее прецедент, тем большей ценностью он обладает в глазах тех, кто его применяет. Величие права создается также посредством его презентации. Так, семиотика здания суда помогает институировать авторитет судьи, здание парламента – авторитет законодателя. Смысл ритуалов (например, процедуры отправления правосудия, дебатов в парламенте и т.п.) и сопровождающих их коммуникативных формул заключается в повторяющейся актуализации институциональных символов. Однако у языковых традиций есть обратная сторона: выверенные веками языковые формы, в которые облекается современный нормативный материал, непрозрачность архаичных терминов, длинные предложения, перегруженные повторением одних и тех же устойчивых формул, выполняющих скорее роль орнамента, превращают чтение законов неспециалистом в настоящее «хождение по мукам». В плане компетенций, возможности понимания и использования правовой информации, юридический дискурс по-прежнему во многом остается закрытой областью профессиональной коммуникации. Язык, таким образом, реализует кодовую функцию. Само коммуникативное действие становится зашифрованным для «непосвященных». Право континентальной Европы в этом плане более прозрачное и доступное.

В юридическом дискурсе понятие перформативности связано с понятием фактуальности. «Перформативность как аспект коммуникации организует факты в сознании участников юридического дискурса в соответствии с ценностными доминантами, определяющими профессиональную картину юридического мира, с одной стороны, и в соответствии с актуальными смыслами реального общения, с другой стороны»¹³. В юридическом дискурсе связь между фактами является нормативной, она установлена волею субъекта нормотворчества по логико-синтаксической схеме: «Если..., то...»: если действиями определенного участника юридического дискурса создан факт X, то должен последовать для данного участника факт Y. В основе данной схемы лежит логическая операция присоединения к действиям лица их правовых последствий (Imputation). По данной формуле создаются многочисленные акты вменения, вознаграждения, восстановления, реституций, репараций и т.п. Нетрудно заметить, что такого рода связи во многом обусловлены ценностными доминантами культу-

¹¹ Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: 2000. – С. 211 – 262.

¹² Baker J.H. G.Rivlin. Understanding the Law. Oxford University Press, 2004 – P. 165

¹³ Карасик В.И. Языковые ключи... – С. 383.

ры. Оценочный концепт *справедливость*, характеризующий такого рода связи, в определенной степени обусловлен культурой. Степень эмоционального возмущения, которое вызывает в нас то или иное деяние различна в разных культурах (например, отношение к эвтаназии в Голландии и России и правовой оценке соответствующих действий). Устанавливая связь между фактами, норма создает приоритетную формулу действий и одновременно формулу *интерпретации* действий для участников юридического дискурса («Если участник юридического дискурса совершает правовое действие А, то оно *должно* иметь совокупность признаков В, С, D», «Если имеются признаки В, С, D, то это действие А). Таким образом, в юридическом дискурсе прослеживаются тесные взаимосвязи между перформативными, фактуальными и ценностно-нормативными характеристиками дискурса в целом и действиями его участников.

Стратегическая функция юридического дискурса выражена в выборе нормативно обусловленных стратегий и тактик взаимодействия. Под стратегией понимается своего рода программа коммуникативных ходов, которой руководствуются участники дискурса, желающие достичь с помощью средств права своих целей в тех или иных ситуациях институционального взаимодействия. Юридический дискурс по своей сути стратегический, так как существует для решения правовых ситуаций, референциальный аспект которых составляют «жизненные обстоятельства». По словам известного правоведа С.С.Алексеева, жизненные обстоятельства – это «исходный пункт права в реальной жизни общества. Именно с них, с этого «начала начал», в мире права все начинается; и именно отсюда разворачивается вся сложная, многоуровневая и многослойная цепь правовых средств, механизмов и процедур»¹⁴. Правовая ситуация, требующая юридического решения, представляет собой важный морфологический элемент правовых сюжетов. «Жизненные обстоятельства», будучи идентифицированными посредством правовых понятий и терминов (*сделка, договор, аренда, поручительство, разбой, убийство...*), реализуются через различные форматы решения «правовых ситуаций» (*переговоры, допрос, очная ставка, судебное заседание...*). Юридический дискурс предоставляет своим участникам агональные и консенсусные стратегии взаимодействия при решении правовых ситуаций, он реализует стратегии принуждения и дозволения, стратегии предостережения, одобрения и поощрения и т.п. Выбор стратегии дискурса – это выбор соответствующих речевых средств и соответственно жанровых форматов (ходатайство, жалоба, допрос, заявление и т.п.), закрепленных нормативно и включающих указание на цели действий, участников этих действий, их права и обязанности, процессуальный порядок, закрепление произведенных действий в соответствующем документе. Коммуникативное действие (речевой акт) является струк-

турным звеном жанра, его компонентом. Речевые акты (директивы и императивы, перформативы, репрезентативы, декларативы и т.п.) могут рассматриваться в качестве тактик общения, основное предназначение которых – обозначение этапов, выполнение задач коммуникации, смена сюжетных поворотов в коммуникации.

Таким образом, выделенные функции юридического дискурса взаимосвязаны и взаимообусловлены, они проявляются в действиях его участников и реализуемых смыслах общения. Они обусловлены социальной потребностью в правовых институтах, предназначение которых заключается в упорядочении социальных отношений. Данный процесс предполагает, прежде всего, создание нормативного контекста взаимодействия участников дискурса; жанровую типизацию повторяющихся действий и связанных с ними ожиданий; продвижение социокультурных ценностей и приоритетных целей, обеспечивающих авторитет права и его привлекательность для собственных граждан и мирового сообщества; преемственность институционального опыта и его выражение в символических структурах права; создание специального языка, оптимизирующего взаимодействие в рамках сложившихся институтов.

¹⁴ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: 2001. – С. 260.

FUNCTIONS OF LEGAL DISCOURSE AND ACTIONS OF ITS ACTORS

© 2010 I.V.Palashkevskaya^o

Volgograd State University

The article deals with basic functions of legal discourse including regulative, performative, informative, cumulative, interpretative, presentational, strategic and identification modes of communication, which are manifested through actions of discourse actors.

Key words: legal discourse, communicative action, discourse functions, legal situation, cultural senses.

---

^o
*Palashkevskaya Irina Vladimirovna, Candidate of
Phylology, associate professor of English
Department. E-mail: irina_777@inbox.ru*